

Роль военной разведки Японии в поражении русской армии в войне 1904–1905 гг.

А. Г. Зорихин

На основе японских и российских архивных документов в статье раскрывается деятельность японской военной разведки против России во время Русско-японской войны в 1904–1905 гг.

Ключевые слова: разведка, агент, Дальний Восток, Маньчжурия, Япония.

Противостояние разведок двух стран в первой половине XX века является одной из наиболее увлекательных страниц Новейшей истории и неизменно вызывает интерес у читающей аудитории. Однако, несмотря на большой объём фактического материала о деятельности японской разведки против России, накопленный в нашей стране и за рубежом, период Русско-японской войны по-прежнему остаётся белым пятном для историков, а все имеющиеся на сегодня исследования грешат однобокостью и опираются только на материалы российских архивов. Из публикации в публикацию кочует миф о тотальном проникновении японских агентов во все слои русского общества, однако сравнительный анализ российских и японских первоисточников говорит об ограниченных возможностях японской военной разведки. Вместе с тем следует подчеркнуть высокий профессионализм японских разведчиков, которые благодаря тщательной подготовке и концентрации сил на избранных направлениях агентурной работы сумели переиграть русскую контрразведку.

Военная разведка Японии возникла в семидесятых годах XIX века в процессе создания регулярных вооружённых сил, отвечавших концепции «богатое государство – сильная армия». Поиски оптимальной структуры военной разведки заняли 25 лет и завершились 14 января 1899 г., когда по рекомендации немецких советников и по итогам войны с Китаем в аппарате Генерального штаба (ГШ) были развёрнуты 1-е и 2-е управления, отвечавшие за оперативное планирование и ведение агентурной разведки на европейском и азиатском театрах военных действий (ТВД)¹.

Японская военная разведка действовала против России ограниченным арсеналом средств и методов агентурной работы. Европейскую часть нашей страны освещал военный атташе при японском посольстве

¹ *Арига Цутао*. Нихон рикукайгун-но дзёхо кико то соно кацудо : [Разведывательные органы японской императорской армии и флота и их деятельность]. Токио: Киндай Бунгэйся, 1994. С. 40.

в Петербурге, который поддерживал тесный контакт со своими коллегами в Германии и Франции. Забайкалье и Дальний Восток с 1880 г. контролировала легальная резидентура ГШ во Владивостоке под крышей японского коммерческого агентства. Как правило, резидентом являлся кадровый сотрудник военной разведки в звании «капитан» или «майор», который постоянно находился в Приморье под видом стажёра русского языка или предпринимателя. Костяк агентурного аппарата владивостокского разведцентра составляли работавшие на русских военных объектах японские иммигранты. В 1897 г. японский Генштаб попытался создать в Приморье нелегальную резидентуру под видом отделения секты «Ниси Хонгандзи», однако посланный во Владивосток капитан Ханада Наканосукэ не справился со своими обязанностями и через два года был отозван в Японию, после чего разведка против России возобновилась под прикрытием коммерческого агентства².

Анализ японских первоисточников свидетельствует, что до 1902 г. позиции военной разведки Японии в нашей стране были относительно слабыми и не отвечали в полном объёме потребностям ГШ в информации о русских войсках. В частности, военный атташе в Петербурге не смог вскрыть переброску царской армии через Одессу на Дальний Восток во время «боксёрского восстания» в Китае (1900) из-за отсутствия там резидента. Ещё хуже обстояли дела с агентурной работой в Северной Маньчжурии, где у японцев не было своего разведцентра, и Кореи, в которой военную разведку представлял лишь военный атташе при дипмиссии в Сеуле.

Между тем после подавления восстания ихэтуаней ситуация на Дальнем Востоке стала развиваться по неблагоприятному для японцев сценарию. Стремясь нейтрализовать обозначившийся перевес России в борьбе за китайские и корейские владения, вслед за подписанием российско-китайского соглашения от 8 апреля 1902 г. о трёхэтапном выводе русских войск из Маньчжурии в течение полутора лет, в июле того же года Токио предложил Петербургу признать за ним только «железнодорожные интересы» в Маньчжурии, потребовав для себя полной «свободы действий» в Корее, с отказом России от какого бы то ни было вмешательства в корейские дела без аналогичного отказа Японии относительно Маньчжурии. Однако действия Токио возымели обратный эффект: в январе 1903 г. царское правительство приостановило вывод русских войск из Маньчжурии ввиду «чрезмерной притязательности» июльского предложения Японии.

Спустя три месяца русский поверенный в делах в Пекине Г. А. Плансон вынудил цинское правительство пересмотреть условия соглашения

² Стоит отметить, что полноценный контрразведывательный орган, обслуживавший Владивосток – крепостная жандармская команда, был сформирован по инициативе Приамурского генерал-губернатора А. Н. Корфа только в 1896 г. ГАРФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 2329. Л. 14.

от 8 апреля 1902 г. о выводе войск, однако через неделю китайские власти под давлением Японии, Великобритании и США потребовали завершения эвакуации русской армии в утверждённые сроки.

Российско-китайские переговоры совпали по времени с поступившими в Токио сведениями о военном проникновении России в Корею, что вызвало сильное раздражение у японского кабинета. Уже 12 августа 1903 г. в Петербурге по инициативе Японии начались двусторонние переговоры по маньчжурской и корейской проблемам. Царское правительство исключало Маньчжурию из сферы влияния Японии и предлагало заключить соглашение только по Корее, предусматривавшее совместное управление ею.

В ходе продолжившихся в Токио переговоров стороны не смогли достичь компромисса по вопросу присутствия русских войск в Маньчжурии и разделения сфер влияния в Корее, поэтому 12 декабря 1903 г. Россия устами посланника Р. Р. Розена заявила о нежелании идти на уступки относительно своего привилегированного положения в Маньчжурии и Корее³.

Перипетии 1900–1903 гг. спровоцировали резкое усиление разведывательной активности японской армии, выразившейся в значительном усилении и расширении её агентурного аппарата на Дальнем Востоке, в Северной Маньчжурии и Корее в связи с поэтапной подготовкой к возможным боевым действиям против России.

В первую очередь были укреплены позиции военной разведки в Приморье и Северной Маньчжурии. В конце 1900 г. на совещании сотрудников владивостокского разведцентра майора Матида Кэйю, капитанов Мута Нобуёси и Исимицу Макиё было решено создать в Маньчжурии и Приамурском крае разветвлённую агентурную сеть с центральной резидентурой в Харбине⁴. Возглавить её предстояло Исимицу, которому следовало подобрать для себя надёжное прикрытие под видом торговой фирмы в Харбине с филиалами во всех крупных городах региона, поставив во главе разведгрупп непригодных для воинской службы, но знакомых с разведывательной и предпринимательской деятельностью

³ Романов Б. А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны (1895–1907). М.–Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1947. С. 204–260. В немалой степени позиция России по Корее объяснялась тем обстоятельством, что «со взятием Порт-Артура и постройкой южной части Маньчжурской железной дороги Государю Императору благоугодно было указать, что устройство заслона в бассейне реки Ялу приобрело ещё большее стратегическое и политическое значение, как владение местностью, находящейся во фланге наших коммуникаций с Порт-Артуром» (Памятная записка МИД от 3 апреля 1903 г.). ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 179. Л. 21.

⁴ Выбор Харбина в качестве разведывательного центра был не случаен: к 1 января 1903 г. там проживала самая многочисленная японская колония в Северной Маньчжурии (400 человек, или 55% от общей численности всех японских мигрантов). РГВИА. Ф. 14372. Оп. 1. Д. 69. Л. 17.

японцев, чтобы во избежание подозрений русских властей заниматься активной торговлей⁵.

Работа по организации харбинской резидентуры завершилась к лету 1901 г. открытием фотоателье «Кикиути». Прибывший во Владивосток в октябре того же года с инспекционной проверкой начальник 1-го управления ГШ генерал-майор Идзита Косукэ одобрил действия Иси-мицу и поставил перед ним задачу по сбору достоверной информации «о замыслах и действиях России в северной части Маньчжурии»⁶.

В июле 1902 г. Исимицу подготовил план дальнейшего расширения разведаппарата в Маньчжурии за счёт открытия новых резидентур в Имяньпо, Порт-Артуре, Дальнем, Чаньчуне, Ляояне, Благовещенске и на станции Пограничной. Главная резидентура должна была остаться в Харбине под крышей фотоателье «Кикиути». На реализацию плана Исимицу потратил год, однако ему не удалось организовать в намеченных пунктах коммерческие предприятия для своих разведгрупп, и он ограничился созданием двух резидентур под вывеской фотоателье в Харбине и Дальнем⁷.

В связи с этим Генштаб задействовал для разведки Маньчжурского и Приморского ТВД дополнительные ресурсы, направляя туда в краткосрочные командировки офицеров разведки и возвращавшихся через Россию военных стажёров. Данное обстоятельство отрицательно сказывалось на качестве получаемой таким образом информации, так как многие офицеры не владели русским языком, не могли использовать местную агентуру и неизменно попадали под плотное наблюдение российских спецорганов.

Кроме того, в 1901–1902 гг. существенно укрепилась разведсеть ГШ в Корее и Китае, тесно соприкасавшаяся с расположенными там российскими военными объектами: в Инкоу и Масанпо были созданы 2 легальные резидентуры во главе с капитанами Нимпэй Сэндзюн и Эги Акио, а в уже действовавшие организации в Китае отправились два офицера со специальным заданием по ведению агентурной разведки в Маньчжурии: майор Кадзикава Дзютаро – в аппарат военного атташе в Пекине, и майор Татибана Коитиро – в аппарат военного советника при наместнике провинции Чжили Юань Шикае⁸.

Получив в апреле 1903 г. от МИДа и своих резидентов в России и Китае сведения о приостановке вывода русских войск из Северной

⁵ Исимицу Макиё-но сюки : [Собственноручные записи Исимицу Макиё]. Токио: Тую ко-ронся, 1988. С. 518.

⁶ Там же. С. 575–576.

⁷ Там же. С. 595–596.

⁸ Архив МИД Японии. 5.1.10.4.1.002 (B07090451000). Л. 0054; Архив Научно-исследовательского института обороны Министерства национальной обороны (далее НИИО МНО) Японии. М34-1-117 (C09122701000). Л. 0970; Там же. М35-7-123 (C09122861700); РГВИА. Ф. 14372. Оп. 1. Д. 98. Лл. 143–44.

Маньчжурии, Генеральный штаб начал проработку планов противодействия российской экспансии. В представленных 12 мая начальником ГШ маршалом Ояма Ивао императору, премьер-министру, военному министру и начальнику МГШ «Соображениях о приведении в боевую готовность императорских войск» обосновывалась необходимость незамедлительной мобилизации японской армии в ответ на попытки России путём угрозы применения силы заставить признать её интересы в Маньчжурии и в перспективе распространить влияние на Корею. Поскольку Россия в июне – июле всячески избегала переговоров с Японией по спорным вопросам, 17 июля заместитель начальника ГШ отдал приказ личному составу ещё не развёрнутой Императорской верховной ставки в двухмесячный срок подготовить планы отправки японских войск в Корею⁹.

Несмотря на переход японской армии и флота в 1903 г. к завершающей стадии военных приготовлений, разведывательный аппарат ГШ в России, Маньчжурии, Китае и Корее, ориентированный на сбор информации о русских вооружённых силах, на пике своей активности насчитывал не более 15 кадровых сотрудников, а с учётом временно командированных на основные операционные направления офицеров разведки – не более 20–25 человек. Тем не менее, благодаря проведённой в 1901–1902 гг. работе по укреплению континентальной сети, верховное командование армии к началу войны располагало исчерпывающей информацией о вооружённых силах Российской империи на Дальнем Востоке и в Южной Маньчжурии, поступавшей от 12 легальных резидентур и 3 дипломатических миссий. Основой их агентурного аппарата являлись работавшие на русских военных объектах или проживавшие рядом с ними японские колонисты.

На территории Кореи японский ГШ имел 4 резидентуры в центральном и северном районах страны – в Сеуле, Ыйджу, Анджу и Кёнсане, развёрнутые, преимущественно, в 1903 г. Главный штаб русской армии обратил внимание на усилившуюся во второй половине этого года активность японской разведки в приграничных корейских районах: по его данным, разведывательные группы японцев, состоявшие из 2–4 офицеров, 2–3 переводчиков, 18–20 унтер-офицеров и рядовых, занимались топографической съёмкой местности, сбором военно-статистических сведений о северо-восточных районах страны до р. Ялу включительно, а также описанием портов на южном побережье полуострова¹⁰.

Большое значение при подготовке вторжения на материк японское командование придавало организации разведывательной работы против России с позиций Китая. С этой целью в конце ноября 1903 г. в Тянь-

⁹ *Тани Хисао*. Кимицу нитиро сэнси: [Секретная история русско-японской войны]. Токио: Хара сёбо, 1966. С. 36, 96.

¹⁰ РГВИА, Ф. 400. Оп. 4. Д. 319. Л. 75; Д. 632. Л. 82 об.

цзинь выехал руководитель китайского отделения ГШ полковник Аоки Нобудзуми, имевший большой опыт работы в Китае. Ему предстояло наладить совместный с китайцами сбор информации, организовать диверсионные акции на русских коммуникациях и подстрекать отряды маньчжурских хунхузов к нападению на царские гарнизоны. Реализуя эти задачи, Аоки заручился поддержкой генерал-губернатора провинции Чжили Юань Шикая, который надеялся с японской помощью ослабить русское влияние в Маньчжурии и в будущем захватить власть в Китае. Юань, в частности, заявил Аоки: «Я уже послал из Порт-Артура в Маньчжурию десять разведчиков. Все их отчёты будут незамедлительно передаваться японской стороне»¹¹.

К началу Русско-японской войны разведывательная организация Аоки координировала работу нескольких резидентур ГШ в ключевых городах Южной Маньчжурии и Северного Китая.

Действовавшая под крышей японского консульства легальная резидентура в Чифу целенаправленно изучала русскую группировку на Квантунском полуострове и ВМБ Порт-Артур. В мае 1902 г. её возглавил помощник Аоки капитан Морита Тосито, опиравшийся на немногочисленную, но хорошо подготовленную агентуру. Так, в сентябре 1903 г. Морита и завербованный им слушатель коммерческих курсов шанхайского отделения общества «Тоадо бунсёин» Окано Масудзиро провели разведку баз Порт-Артур, Дальний и русских гарнизонов в Южной Маньчжурии, для чего Окано, в прошлом унтер-офицер крепостной артиллерии Токийского залива и Юра, нелегально проник в Порт-Артур и составил описание крепости¹².

Ещё одним агентом чифуской резидентуры был японский предприниматель Хосоно Сёхэй, проживавший в Китае с 1900 г. В апреле 1903 г. он по заданию Морита выехал в Маньчжурию, где в качестве переводчика китайского языка присоединился к майору Хагино Суэкичи для совместной разведки Порт-Артура и маньчжурской группировки русской армии. В течение месяца Хагино и Хосоно с разрешения русских властей посетили Порт-Артур, Дагушань, Фынхуанчэн, Ляоян, Цзиньчжоу¹³, после чего в мае того же года Хосоно выехал на доразведку бассейна р. Ялуцзян¹⁴,

Вторая резидентура ГШ располагалась в Инкоу. С января 1903 г. ею руководил капитан Кавасаки Рёдзабуро, который осел в порту под видом изучавшего русский язык отставного японского офицера. Резидентура

¹¹ Нихон рикукайгун сого дзитэн : [Полная энциклопедия японской армии и флота]. Токио: Токио дайгаку сюппанкай, 1991. С. 5; *Тани Хисао*. Указ. соч. С. 279–280.

¹² Русская контрразведка не узнала об этом. См.: РГВИА. Ф. 14372. Оп. 1. Д. 69. Лл. 201–229.

¹³ Там же. Лл. 97–98об, 106, 110, 118, 124, 132, 134, 137, 139, 143–143об, 158.

¹⁴ Архив НИИО МНО Японии. М37-2-10 (С09122011000). Л. 0833; (С09122011100). Лл. 0843–0844, 0847–0848, 0878, 0881.

собирала информацию о дислокации, нумерации, численности и вооружении русской армии в Южной Маньчжурии и на Квантунском полуострове¹⁵.

В этой работе Кавасаки опирался на четырёх бывших унтер-офицеров японской армии, переехавших на постоянное жительство в Китай. В апреле 1903 г. им был завербован свободно владевший китайским языком житель Ляояня Такабэ Осуке, который с помощью девяти китайских агентов вёл наблюдение за дислоцированными в Ляояне русскими войсками. Аналогичную работу по заданию Кавасаки проводили жители Мукдена Иримадзири Саносукэ и Накано Исиити. С декабря 1903 г. оба агента, свободно владевшие китайским и русским языками, собирали сведения о русской армии в районе Дунбянь. Поскольку четвёртый агент – Накано Киндзо, имел слабые познания в английском и русском языках, Кавасаки использовал его в совместных поездках по разведке района Дашицяо¹⁶.

В процессе работы Кавасаки активно задействовал легальные возможности своего официального прикрытия стажёра русского языка. В августе 1903 г. он обратился к градоначальнику Инкоу с просьбой разрешить ему посещение Порт-Артура для осмотра казарм и двух полков. Не встретив возражений царского наместника на Дальнем Востоке Е. И. Алексеева, Кавасаки в сентябре побывал в крепости и осмотрел казармы и лагеря 3-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады¹⁷.

На помощь инкоуской резидентуре за несколько недель до начала войны ГШ направил на материк ещё двух офицеров военной разведки – майора Эги Акио и капитана Дои Итиносин, которые, выдавая себя за странствующих буддийских монахов и китайских торговцев, должны были собирать информацию о русских войсках и фортификационных сооружениях в Ляояне. На этапе легализации разведчиков прикрывала японская торговая сеть в Маньчжурии «Тохиёко» во главе с её директором Мацукура Ёсииз¹⁸.

Кроме того, доразведку русских гарнизонов в Маньчжурии с весны 1903 г. проводили выезжавшие в краткосрочные командировки на материк под легендами путешественников офицеры ГШ Японии, которых, как правило, сопровождал переводчик и китайская вооружённая охрана. Так, вместе с уже упоминавшимся майором Хагино Суэкичи в мае в Инкоу, Мукдене, Ляояне, Фынхуанчэне, Хайчэне и Цзилине побывал

¹⁵ Архив МИД Японии. 5.1.10.4.1.002 (В07090451500); 5.3.2.54 (В08090200100). Лл. 0315, 0318, 0326, 0364; (В08090200200). Л. 0420.

¹⁶ Архив НИИО МНО Японии. М37-2-10 (С09122011000). Лл. 0809–0810, 0813–0815, 0817–0826, 0876

¹⁷ РГВИА. Ф. 14372. Оп. 1. Д. 69. Лл. 188–190об, 193.

¹⁸ Архив МИД Японии. 5.2.17.21.012 (В09072761800). Л. 0275; Архив НИИО МНО Японии. М38-5-8 (С09122193900); Тани, Хисао. Указ. соч. С. 252.

капитан Хамамотэ Матасукэ, занимавшийся визуальной разведкой русских военных объектов и военно-топографическим описанием будущего ТВД¹⁹.

Большой объём информации о России ГШ получал от военного атташе в Петербурге подполковника Акаси Мотодзиро. На связь к нему от предшественника в августе 1902 г. перешёл ценный агент, штаб-офицер по особым поручениям при Главном интенданте русской армии ротмистр Н. И. Ивков. За вознаграждение Ивков передал информацию о сроках отправки на Дальний Восток 300-тысячной армии с конским составом и провиантом, пропускной способности Транссибирской железной дороги, расчётном количестве требуемого войскам продовольствия на 8–12 месяцев, другие секретные сведения. Согласно отчётам Акаси, в декабре 1903 – январе 1904 г. он выплатил Ивкову за полученную информацию свыше 2000 руб. и рассчитывал пользоваться его услугами дальше²⁰. В оперативном отношении Акаси также подчинялась организованная в феврале 1902 г. резидентура в Одессе, которая имела задание «вести тщательную разведку и регулярно информировать о перебросках войск, военных материалов, ресурсов с побережья Чёрного моря на Дальний Восток»²¹.

Владивостокская резидентура во главе с майором Исидзака Дзэндзиро с помощью коммерческого агентства в течение 1903–1904 гг. вела планомерную разведку русских войск на территории Приамурского края, вскрывала военные переброски в Маньчжурию, Корею, Приморье и Забайкалье, изучала транспортную инфраструктуру региона²².

К резиденту, был прикреплён секретарь агентства Судзуки Ёносукэ, ранее сотрудничавший с военной разведкой в период несения службы в японском вице-консульстве в Корсакове. Под руководством Судзуки действовала группа японских агентов, которые собирали информацию о фортификационных сооружениях владивостокской крепости и дислокации крепостной артиллерии. Стоит, однако, отметить, что Судзуки поторопился с подбором агентов, что в итоге привело к задержанию 18 мая 1903 г. владивостокской крепостной жандармерией японцев Окано Сёдзиро, Танака Синсаку и Усиронэ Мацутаро во время составления ими чертежа Токаревской батареи. Однако задержанные не признали факта занятия разведкой, а обнаруженный чертёж выдали за рисунок владельца их столярной мастерской Харагути Кинтаро, который, в свою очередь, заявил, что «таковой [...] был сделан им и представляет чертёж полок, которые ему хотели заказать в ти-

¹⁹ РГВИА. Ф. 14372. Оп. 1. Д. 69. Лл. 107–107об, 111–113, 124–124об, 133.

²⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 102. Д. 3513. Лл. 23–24.

²¹ Архив НИИО МНО Японии. М35-6-122 (С09122850100). Лл. 0383–0384.

²² Сато Морио. Дзёхо сэно то ситэ-но нитиро сэно : [Русско-японская война как разведывательная война] // Хокудай хогаку ронсю. 2000. № 51 (2). С. 233–234.

пографии Уссурийской железной дороги, и случайно остался в кармане его шубы, данной им Усиронэ в день его задержания». Объяснения Харагути были приняты во внимание Иркутской судебной палатой, и 30 августа арестованные японцы вышли на свободу²³.

Составной частью владивостокской резидентуры также являлась разведывательная сеть Исимицу Макиё, который, успешно используя своё коммерческое прикрытие, за полтора год провёл фотосъёмку всех важнейших объектов КВЖД. Для пересылки полученной информации харбинская резидентура регулярно использовала методику микрофотографирования: снимки уменьшались до минимально возможных размеров, заделывались во внутреннюю часть ручной клади и под видом почты фотоателье отправлялись во Владивосток. Подобный способ отправки корреспонденции не вызывал подозрений у русских властей, так как им было известно, что все расходные материалы – фотобумагу, проявители, закрепители и прочее фирма «Кикути» могла закупить через Владивосток только в Японии. К тому же, несмотря на провал плана Исимицу по развёртыванию в Маньчжурии сети нелегальных резидентур под крышей торговых организаций, он регулярно получал информацию от агентов и доверенных лиц в Маньчжоули, Благовещенске, Ляояне, Чанчуне, Дальнем, Порт-Артуре и Мукдене²⁴.

Говоря о результативной работе японской разведки против России накануне войны, нужно отметить, что её успехам во многом способствовали организационная разобщённость и малочисленность отечественных контрразведывательных органов, отсутствие у них подготовленного аппарата оперативных сотрудников и агентов, специализировавшихся на борьбе с японским шпионажем, слабое финансирование этого участка контрразведывательной работы²⁵.

Система специальных органов Российской империи формировалась на рубеже XIX–XX вева, когда в дополнение к Отдельному корпусу жандармов МВД, занимавшемуся, главным образом, политическим сыском, были учреждены Особый отдел Департамента полиции МВД (1898) и 7-е (контрразведывательное) делопроизводство военно-статистического отделения Главного штаба (1900)²⁶. Хотя в функции перечисленных служб входила борьба со шпионажем, серьёзных успехов они не имели. Тактика отечественной контрразведки сводилась к наружному наблюдению за японскими гражданами и подозрительными лицами, в то время как противодействие такому противнику, как военная разведка Япо-

²³ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 12. Д. 2771. Лл. 1–1 об, 12–13 об.

²⁴ *Исимицу Макиё*. Указ. соч. С. 586, 611.

²⁵ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 6772. Л. 1.

²⁶ *Кирмель Н. С.* Организация русской контрразведки и её борьба с японским и германским шпионажем в Сибири (1916–1917 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Иркутск: Иркутский государственный университет, 2000. С. 45, 50.

нии требовало активного агентурного проникновения в её аппарат и проведения комплекса профилактических мер по перекрытию каналов утечки государственных тайн.

Имевшиеся у спецорганов сведения о деятельности японской разведки на Дальнем Востоке носили несистемный и искажённый характер, что приводило к распылению оперативных ресурсов на отработку ложных объектов. Представления о размерах разведывательной организации Японии в России были чрезмерно раздуты: русские контрразведчики исходили из предпосылок, что кадровые офицеры японской разведки работали подрядчиками на строительстве КВЖД, содержали публичные дома и притоны для курения опиума во Владивостоке, Никольск-Уссурийском и Порт-Артуре, получая ценную информацию через проституток и наркоманов, устраивались приказчиками к русским купцам или парикмахерами в русские гарнизоны, а также «преуспевали на шпионском поприще в качестве лакеев, кучеров, врачей-венерологов, чернорабочих, продавцов шёлка, коммивояжёров, скупщиков старья, точильщиков ножей и т. д.»²⁷.

Российская контрразведка не смогла разобраться и в структуре разведывательных органов японской армии. Долгое время – вплоть до середины 1908 г., отечественные спецслужбы считали, что разведкой в ГШ Японии занимались 3-е и 5-е управления («отделения»), в то время как они отвечали за военные перевозки и содержание крепостей и какую-либо разведывательную работу, естественно, не вели. Относительно правдоподобная схема организации Генерального штаба Японии появилась в ГУГШ только к 1 июля 1908 г., однако и тогда разобраться с распределением функций между шестью управлениями его центрального аппарата русской разведке не удалось²⁸.

Определённые меры для исправления этой ситуации предпринимались. Весной 1903 г. распоряжением Николая II в структуре Военного министерства было организовано разведочное отделение во главе с ротмистром В. Н. Лавровым для установления «негласного надзора за обыкновенными путями тайной военной разведки, имеющими исходной точкой иностранных военных агентов, конечными пунктами – лиц, состоящих на нашей государственной службе и занимающихся преступною деятельностью, и связывающими звеньями между ними»²⁹. Автором идеи создания отделения был военный министр В. А. Сухомлинов, который надеялся таким образом сконцентрировать в одном органе борьбу с иностранными военными разведками. Однако при малочисленности штатов – 13 секретных сотрудников подчинённые В. Н. Лаврова

²⁷ *Вотинов А. А.* Японский шпионаж в русско-японскую войну 1904–1905 гг. М.: Воениздат, 1939. С. 10–12.

²⁸ ГАРФ. Ф. 238. Оп. 1. Д. 162. Лл. 30об – 31, 45–48.

²⁹ *Кирмель Н. С.* Указ. соч. С. 56.

сумели к концу 1903 г. взять под контроль только военные атташаты Японии, Германии и Австро-Венгрии в Санкт-Петербурге, что позволило им с большим опозданием обезвредить накануне войны основной источник японской военной разведки в Главном штабе царской армии – Н. И. Ивкова, разоблачение которого стало следствием несоблюдения Акаси элементарных требований конспирации: Ивков уведомлял атташе о планируемых встречах отправкой писем на его домашний адрес, встречи происходили на квартире Акаси либо секретаря посольства Тано, куда агент приходил в офицерской форме, никак не легендируя перед начальством свои контакты с японцами. Разработка Ивкова заняла два месяца – с 8 января до 10 марта 1904 г., однако получить исчерпывающие сведения русской контрразведке не удалось, так как Ивков 14 июня того же года повесился в камере³⁰.

Нельзя не отметить и то обстоятельство, что резиденты военной разведки на Дальнем Востоке, в Маньчжурии, Корее и Китае, а также временно командированные на материк офицеры ГШ Японии действовали осмотнительно, не позволяя царским спецслужбам, несмотря на тотальный контроль над перемещениями японцев, уличить себя в противоправной деятельности. Сообщая 9 июня 1903 г. в Главный штаб об участвовавших случаях появления японских офицеров и коммерсантов в Южной Маньчжурии, начальник штаба Квантунской области подполковник В. Е. Флуг высказывал предположение о разведывательном характере их поездок, однако привести какие-либо доводы в пользу своей версии не смог³¹.

Как показывает анализ японских архивных материалов, к началу войны ГШ располагал достаточно объективной информацией о группировке русских войск на востоке страны, русских мобилизационных ресурсах, предназначенных для переброски на Дальний Восток из Харькова, Москвы, Нижнего Новгорода, Пензы, Казани, Иркутска и Омска, пропускной способности Транссибирской и Китайско-Восточной железных дорог. Кроме того, 13 января 1904 г. военному атташе во Франции майору Хисамацу Садакото удалось добыть оперативный план русской армии³².

На основе всей собранной информации 1 февраля 1904 г. начальник ГШ представил императору итоговый документ «Оценка ситуации в вооружённых силах России», в котором констатировал численное превосходство японской армии над русской на Дальнем Востоке и низкую пропускную способность Транссибирской железной дороги, позволявшую перебрасывать из европейской части России за Урал не более 6 эшелонов с войсками в день. Выступая за немедленное нападение на Россию,

³⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 102. Д. 3513. Лл. 2, 65, 77–77об, 101, 128.

³¹ РГВИА. Ф. 14372. Оп. 1. Д. 69. Лл. 124–124об.

³² *Сато Морюо*. Указ. статья. № 51 (4). С. 115; Тани, Хисао. Указ. соч. С. 275.

Таблица 1. Оценка 1-м управлением ГШ русской группировки на Дальнем Востоке, в Забайкалье и Южной Маньчжурии на 16 января 1904 г.³³

Части и соединения с правильно установленной нумерацией и дислокацией	Неправильно установленные части и соединения
Приамурский военный округ	
1-й Сибирский армейский корпус (управление в Никольск-Уссурийском): 1-я ВСсбр (1-й, 2-й, 3-й, 4-й ВСсп), 2-я ВСсбр (6-й, 7-й, 8-й, 19-й ВСсп), 6-я ВСсбр (21-й, 22-й, 23-й, 24-й ВСсп) 1-я ВСартбр (1-я, 2-я, 5-я, 6-я артбт, 8-я гартбт), 2-я ВСартбр (3-я, 4-я артбт), 2-я артбт Забайкальского артдн, 1-й Нерчинский казп Забайкальской казбр, Приморский драгп 2-й Сибирский армейский корпус (управление в Цилине): 5-й ВСсп, 16-й ВСсп 4-й ВСсбр, 5-я ВСсбр (17-й, 18-й, 20-й ВСсп), Уссурийская конбр (1-й Амурский, 1-й Аргунский казп, Уссурийский каздн), 7-я гартбт 1-й ВСартбр, 1-я артбт 2-й ВСартбр, 1-я артбт Забайкальского артдн, 2-я Забайкальская казартбт Части окружного подчинения: 2-я пбр 35-й пд (139-й, 140-й пп, 2-й артдн) 8-я ВСсбр (29-й, 30-й, 31-й, 32-й ВСсп) 1-я Сибирская запасная сбр (1-й, 2-й, 3-й, 4-й резб)	3-я, 4-я артбт 1-й ВСартбр (дислоцировались в Никольск-Уссурийском, а не в Новокиевском), 2-я артбт 2-й ВСартбр (дислоцировалась в Спасском, а не в Благовещенске). Не установлена дислокация 1 казачьей сотни в Никольск-Уссурийском 4-я ВСсбр (13-й, 14-й, 15-й ВСсп) (управление бригады дислоцировалось в Дальнем, а не в Талиенване, 13-й, 14-й, 15-й полки – в Талиенване, Дальнем и Мукдене, а не в Дальнем, Талиенване и Дальнем соответственно). Не установлена дислокация 1 казачьей сотни в Мукдене 2-я пбр 31-й пд (124-й, 125-й пп) (полки дислоцировались в Зайсановке и Посьете, а не на оборот)

³³ Архив НИИО МНО Японии. М37-8-186 (С09123119600); РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 648. Лл. 7–8; Русско-японская война 1904–1905 гг. Том II. Часть 1. От начала военных действий до боя под Вафангоу 1 июня. Санкт-Петербург: Типография Товарищества А. Ф. Маркс, Измайловский проезд, 29, 1910. Приложение № 1. С. 3–8.

Квантунский укреплённый район	
Восточно-Сибирский армейский корпус (управление в Порт-Артуре) 3-я ВСсбр (9-й, 10-й, 11-й, 12-й ВСсп, пулр), 7-я ВСсбр (25-й, 26-й, 27-й ВСсп), Забайкальская отдельная казбр (1-й Верхнеудинский казп), Восточно-Сибирский стрелковый артдн, 1-я Забайкальская казбт	28-й ВСсп 7-й ВСсбр (дислоцировался в Ляояне и Хайчэне, а не в Порт-Артуре), 1-й Читинский казп Забайкальской отдельной казбр (дислоцировался в Фынхуанчэне, а не в Анучино). Не установлена дислокация 1 казачьей сотни и 2 батальонов крепостной артиллерии в Порт-Артуре, 1 стрелковой роты в Инкоу

Примечания

артдн – артиллерийский дивизион ВС – Восточно-Сибирская гартбт – горно-артиллерийская батарея драгп – драгунский полк казартбт – казачья артиллерийская батарея казбр – казачья бригада казбт – казачья батарея	каздн – казачий дивизион казп – казачий полк конбр – конная бригада пп – пехотный полк пулр – пулемётная рота резб – резервный батальон сп – стрелковый полк
---	--

Ояма подкреплял свои предложения цифровыми расчётами: если русская группировка войск в Забайкалье, Приамурье, Приморье, Маньчжурии и на Квантуне насчитывала 88 пехотных батальонов, 35 кавалерийских эскадронов, 25 артиллерийских батарей со 188 орудиями, то Япония могла выставить 150 батальонов, 54 эскадрона, 100 батарей и 636 орудий, которые при дополнительной мобилизации резервистов и быстром продвижении в глубь Маньчжурии и Кореи должны были упредить развёртывание русской армии до паритетного уровня³⁴.

С началом боевых действий японское командование провело срочную реорганизацию армейской разведывательной сети в Корею и Северо-Восточном Китае. Общее руководство всей агентурной разведкой на материке перешло под контроль созданной указом императора от 11 февраля 1904 г. Императорской верховной ставки (ИВС) в составе двух равноценных управлений армии и флота, которые в соответствии с указом от 28 декабря 1903 г. возглавили начальники Генерального и Морского генерального штабов, делегировавшие в Ставку большую часть своих офицеров. В новом органе функции двух оперативно-разведывательных управлений ГШ окончательно разделились: к компетенции 1-го

³⁴ Архив НИИО МНО Японии. Сэньэки-Нитиро сэньэки-75 (С13110417700). Лл. 1261–1264.

управления отошли вопросы оперативного планирования, в то время как 2-е управление занялось организацией всех видов разведки³⁵.

В период с 8 февраля по 1 мая 1904 г. главным театром военных действий японской армии против России являлась Корея. Вслед за высадкой японских частей на полуострове действовавшая здесь до войны агентурная сеть перешла под контроль штаба 1-й армии, укомплектованного ранее работавшими в Корее и Приморье офицерами военной разведки. Для сбора сведений армия активно забрасывала за линию фронта офицеров разведки под видом корейцев. Так, после высадки передовых частей объединения в Нампхо в тыл противника в корейской одежде ушёл лейтенант Югами Дзисабуро, которому удалось добыть информацию, необходимую для выработки решения об отправке экспедиционных отрядов. Аналогичную миссию в районе Фынхуанчэна после разгрома русских войск на р. Ялу выполнял майор Нисикава Торадзиро, также успешно решивший задачу получения достоверных данных о противнике³⁶.

Деятельность разведывательных органов на Маньчжурском ТВД в начальный период войны носила вспомогательный характер и была направлена на обеспечение Ставки достоверными сведениями о ВМБ Порт-Артур и Дальний, данными о дислокации, численном составе, вооружении и планах царских войск на Квантунском полуострове и в Южной Маньчжурии. Для решения этих задач Ставка в феврале 1904 г. образовала два континентальных разведывательных центра: один – на базе военного атташата при дипломатической миссии в Пекине, второй – на базе легальной резидентуры в Чифу. Личный состав обоих центров в количестве 8 человек приказом начальника ГШ от 20 февраля 1904 г. перешёл в подчинение Ставки³⁷.

Пекинский разведывательный центр во главе с полковником Аоки Нобудзуми в течение февраля–марта 1904 гг. провёл учёт всей ранее действовавшей в Маньчжурии агентуры, а также подобрал из числа патриотически настроенных членов японской диаспоры в Китае кандидатов для заброски в тылы русской армии, получив санкцию военного министра на прикомандирование наиболее ценных агентов и доверенных лиц к ИВС с выплатой им ежемесячного денежного довольствия кадровых военнослужащих.

Проводимая центром работа официально именовалась «токубэцу нимму» («специальные задания») и заключалась в сборе разведывательной информации и дезорганизации русского тыла путём уничтожения

³⁵ Там же. М37-23-157 (С06040977500); Нихон рикюкайгун сого дзитэн. С. 496–497.

³⁶ Архив НИИО МНО Японии. М37-29-163 (С06041015000); Там же. М38-24-137 (С06041125700). Л. 0818; Там же. Сэньэки-Нитиро сэньэки-273 (С13110538000); Тани, Хисао. Указ, соч. С. 277.

³⁷ Архив НИИО МНО Японии. М37-1-9 (С09121991700).

железнодорожных мостов, тоннелей и линий связи. Для этого по запросу Аоки от 26 февраля к Ставке были прикомандированы 35 проживавших в Китае японцев, из которых только 9 ранее служили в армии. Спустя месяц он получил разрешение на зачисление в центр ещё 4 японцев, выполнявших накануне войны разведывательные задания МИД и ГШ в Маньчжурии. Кроме того, в интересах пекинского центра действовали 60 китайских агентов, переданных ему на связь Юань Шикаем³⁸.

В феврале 1904 г. Аоки разделил личный состав центра на четыре оперативные группы, определив каждой задачи и зону ответственности в глубоком тылу русской армии. Группа капитана Ито Рютаро должна была действовать на железнодорожных коммуникациях в районе Хайлара и Цицикара. Группе капитана Цукуи Хэйкити выделялся сектор к северу от Мукдена, где ей предстояло организовать отряды хунхузов и совершать диверсии на железнодорожных мостах в Харбине и на р. Сунгари. Группа капитана Итогава Тацудзо должна была оперировать в районе Телин – Чанту, дезорганизуя с помощью хунхузов работу железной дороги. Аналогичные задачи решала группа майора Хасигути Юма в районах Ляояна, Чанту и Чаояна. К каждому подразделению были прикомандированы специально подготовленные переводчики из числа унтер-офицеров китайской армии³⁹.

Таким образом, в зону ответственности пекинского разведцентра с началом войны вошёл обширный район Северной и Южной Маньчжурии, Внешней Монголии, а также территория Забайкалья, где японское командование планировало провести серию диверсий на Транссибирской железной дороге для срыва подвоза резервов на Маньчжурский ТВД.

Однако предпринятые русской пограничной стражей превентивные меры – выставление кавалерийских застав вдоль железнодорожных линий, массовое насаждение агентуры среди китайского населения, установление доверительных отношений с монгольскими князьями и снабжение их оружием позволили парализовать диверсионную деятельность японцев на КВЖД. За время войны ими было совершено 512 попыток диверсий на магистрали, однако успешным можно считать только нападение ночью 31 января 1905 г. на мост севернее станции Гунчжулин и подрыв одного из пролётов⁴⁰.

Такой же бесплодной оказалась попытка пекинского центра нарушить работу Транссибирской железной дороги. После тщательного изучения

³⁸ Там же. М37-1-9 (С09122000400); (С09122000500); (С09122001300); Тани, Хисао. Указ. соч. С. 288.

³⁹ Там же. С. 287–288; Документальный фонд ЦПМ ФСБ РФ. Научно-вспомогательный документальный фонд. Инвентарный № ДНВ-1144. Л. 2.

⁴⁰ Русско-японская война в сообщениях Николаевской академии Генерального штаба. Ч. 2. СПб.: Типография С.Г. Кронус, 1907. С. 162.

этого вопроса Аоки пришёл к выводу о бесперспективности проведения диверсий в Сибири, изложив своё мнение в телеграмме на имя начальника Общего управления ГШ генерал-майора Игути Сёго от 11 февраля 1904 г.⁴¹ Впрочем, возможно, что японская разведка всё-таки попыталась нарушить работу Транссиба: 18 марта 1904 г. Департамент полиции МВД запросил у военного губернатора Акмолинской области обстоятельства ареста в Омске подозрительного пассажира поезда, назвавшегося «майором японской армии», который вместе с сообщниками планировал взорвать железнодорожные мосты через рр. Иртыш и Волга в районе Сызрани⁴².

К началу активной фазы боевых действий в Маньчжурии и на Ляодуне пекинский разведывательный центр располагал двумя резидентами в Цзиньчжоу и Ляояне. Для получения сведений о ситуации в районе Телина и Мукдена цзиньчжоуский резидент капитан Кавасаки Рёдабуро имел постоянно действовавший там агентурный аппарат во главе с 4 японскими и 10 китайскими агентами-групповодами. Двое из них – Ван Жичэн и Чэн Кэчан, ещё в январе 1904 г. получили приказ связаться с хунхузами из Ючжи, Ляодуна и Инкоу, с их помощью срывать мобилизацию русской армией китайских кули и уничтожать хранилища боеприпасов и продовольствия. Ряду разведчиков удалось проникнуть в окружение А. Н. Куропаткина: переданный на связь японской разведке У Пэйфу периодически появлялся в штабе Маньчжурской армии под видом цирюльника, а другой китайский агент – Ян Чжэндун, служил переводчиком в штабе 4-го Сибирского армейского корпуса⁴³.

Значительными возможностями по сбору разведывательной информации о русской армии располагала ляоянская нелегальная резидентура. В феврале 1904 г. майор Эги Акио и капитан Дои Итаносин под видом китайских торговцев выехали в пригород Ляояна, который, как предварительно установил побывавший там Дои, должен был стать опорной базой русских войск. С помощью 5 завербованных на месте китайских агентов нелегалы собирали военную информацию: китайцы, в частности, сообщали о принадлежности военнослужащих к той или иной воинской части по цвету кокарды, номерам на погонах, подсчитывали численность и вооружение русских подразделений.

Однако квалификация агентуры была низкой, поэтому свободно владевший китайским языком Дои самостоятельно проник в Ляоян. Не располагая надёжными документами и убежищем, он вынужден был ночевать в зернохранилищах, но, тем не менее, смог обнаружить переброску на юг 2 русских пехотных дивизий. Кроме того, Дои подготовил и направил в районы Мукдена, Айсянцзяна, Хайчэна и Дашицяо 10 агентов

⁴¹ Архив МИД Японии. 5.2.2.11 (B07090603300). Л. 0217.

⁴² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. Д. 150л Г (1904 год – 1 отд.). Л. 11.

⁴³ Тани Хисао. Указ. соч. С. 278, 281–282, 294.

из числа китайских чернорабочих-кули. Завершив организацию агентурного аппарата на южной линии КВЖД в районе Хайчэн – Мукден, в начале мая 1904 г. Эги и Дои выехали в Цзиньчжоу, откуда ещё месяц вели агентурную разведку на Синьминь и Телин⁴⁴.

Залогом успешной работы нелегалов являлся их высокий профессионализм. Эги до прихода в разведку учился в Военно-штабном колледже, но, прервав обучение, вернулся в войска, где дослужился до командира пехотного батальона, что было крайне редким явлением среди офицеров японской армии, не получивших высшего академического образования. С марта по ноябрь 1901 г. Эги выполнял здание 1-го управления ГШ в Масанпо, а в декабре 1902 г. отправился на разведывательную работу в Пекин. Его напарник капитан Дои Итиносин, пройдя на личные средства в 1900 г. языковую стажировку в Фучжоу, затем руководил резидентурой в Аомыне (1900–1901), командовал пехотной ротой (1901–1903), в декабре 1903 г. вернулся во 2-е управление ГШ и выехал в Ляоян⁴⁵. Весьма примечательно, что вплоть до начала Второй мировой войны Эги и Дои оставались единственными в истории японской разведки офицерами, выполнявшими оперативные задания за рубежом под видом граждан другого государства.

Совершенно иначе работал чифуский разведывательный центр, утративший после начала войны прямую связь с Порт-Артуром. Для получения сведений о ситуации в крепости и на Ляодунском полуострове майор Морита Тосито в течение 1904 г. завербовал в качестве руководителей агентурных групп 11 японцев, ранее проживавших в России и Китае и свободно владевших китайским, английским и русским языками. С помощью уже имевшейся агентуры и вновь привлечённых сотрудников Морита нашёл способ получения сведений непосредственно из осаждённой крепости. Поскольку 70 % жителей Маньчжурии являлись выходцами из провинции Шаньдун, многие из которых приезжали оттуда на сезонные заработки, Морита направил в порт Дэчжоу и на узловые дороги, выходившие из Дэчжоу, Цзяочжоу и Вэйхайвэй, четырёх японских сотрудников. При помощи китайских агентов они заводили на постоянных дворах контакты с возвращавшимися из Маньчжурии сезонными работниками и опрашивали их о ситуации на территории врага⁴⁶.

В целом, к апрелю 1904 г. разведывательные органы армии частично восстановили утраченные после депортации японского населения агентурные позиции в Маньчжурии и Корее. Вся поступавшая в Токио с материка информация, включая доклады военных атташе в Швеции, Германии, Австро-Венгрии и Великобритании, аккумулировалась в виде еженедельных сводок «Оценка противника управлением армии Им-

⁴⁴ Там же. С. 252–253.

⁴⁵ Нихон рикюкайгун сого дзитэн. С. 26, 97–98.

⁴⁶ Архив НИИО МНО Японии. М37-32-166 (С06041043800). Лл. 0065–0067, 0069.

ператорской верховной ставки». Их содержание имело принципиальное значение для планирования боевых действий сухопутных войск, поскольку позволяло рассчитать силы и средства противника, оценить его мобилизационные возможности и разгадать оперативные замыслы. С мая 1904 г. японская разведка своевременно вскрывала организационно-штатные изменения русских войск, мероприятия Маньчжурской армии по усилению частей и соединений на ТВД, объёмы войсковых перебросок на Дальний Восток из европейской части России.

Так, резюмируя сообщения агентуры в Маньчжурии и донесения военных атташе в Европе и Америке, в первой декаде мая Ставка констатировала переформирование 8 Восточно-Сибирских стрелковых бригад в одноименные стрелковые дивизии и развёртывание новой 9-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии, переход стрелковых полков с двухбатальонной на трёхбатальонную организацию и доведение их численности в ближайшее время до 4 батальонов, усиление артиллерийского компонента армейских корпусов за счёт придания каждой стрелковой дивизии по 1 артиллерийской бригаде. Военные разведчики также вскрыли активную подготовку сухопутной обороны Порт-Артура, ядром которой являлась 7-я Восточно-Сибирская стрелковая дивизия, но не отметили появления там дополнительных резервов. Оценивая силы противника в Южной Маньчжурии, Ставка предположила наличие 8 стрелковых дивизий (около 96 000 человек), 60 кавалерийских сотен (10 000 человек) и 150–200 орудий, однако оговаривала, что после поражения русских войск на р. Ялу их общая численность сократилась до 7 дивизий.

Фактически военная разведка Японии оперировала точными цифрами, поскольку к 13 мая 1904 г. Маньчжурская армия насчитывала 107 000 военнослужащих, 60 кавалерийских эскадронов и сотен, 218 артиллерийских орудий. В Южной Маньчжурии дислоцировались 1-я, 3-я, 5-я, 6-я, 9-я Восточно-Сибирские стрелковые дивизии, 1-я Сибирская пехотная дивизия, Забайкальская казачья дивизия и две бригады 31-й и 35-й пехотных дивизий⁴⁷.

Сравнивая деятельность разведывательных органов японской и русской армий в начальный период войны, необходимо отметить несомненный приоритет японской разведки в постановке агентурной работы на ТВД, гибкость используемых ею приёмов и методов сбора данных, высокое качество получаемой информации. Образованная после войны Военно-историческая комиссия Главного штаба по составлению 8-томного описания боевых действий так характеризовала организацию русской разведки: «Вследствие того, что с нашей стороны заблаговременно, в предвидении разрыва с Японией, не было принято никаких

⁴⁷ Там же. Бунко-Миядзаки-26 (С14061017400). Лл. 1320, 1284–1291; Русско-японская война 1904–1905 гг. Том II. Часть I. С. 199; Приложение № 2а. С. 29–30.

мер к продолжению тайной разведки в Японии и Корее, штабы Наместника и Маньчжурской армии значительный период времени не получали сколько-нибудь точных сведений о противнике и питались случайными донесениями, передававшими большею частью слухи, циркулировавшие в местном населении»⁴⁸.

Поражение русских войск под Вафангоу 14–15 июня 1904 г. позволило 3-й армии окончательно блокировать Порт-Артур с суши и начать подготовку к его штурму и уничтожению Тихоокеанской эскадры. 1-й и 2-й армиям предстояло разгромить русскую группировку в Южной Маньчжурии.

В это же время японское командование провело реорганизацию органов управления сил вторжения, поскольку нахождение Ставки в Токио, на значительном удалении от ТВД, затрудняло оперативное руководство войсками. По указу императора от 20 июня 1904 г. начальник ГШ начал формирование на базе Ставки командования Маньчжурской армии, которое спустя месяц выдвинулось в Маньчжурию и подчинило себе управления 1-й, 2-й, 3-й армий и 10-й отдельной пехотной дивизии, а также пекинский и чифуский разведцентры. К концу февраля 1905 г. разведывательную и диверсионную работу в интересах объединения вели 13 офицеров и 36 военных переводчиков, прикомандированных к армейскому управлению⁴⁹.

Таким образом, с лета 1904 г. в руках армейской разведки сосредоточились все нити по сбору данных о русской группировке в Маньчжурии. Японские разведорганы в Южной Маньчжурии окончательно разделились на две самостоятельные группировки, действовавшие на главных стратегических направлениях. Пекинский разведывательный центр совместно с 1-й, 2-й и 4-й армиями оперировал в районе Ляоян – Мукден, чифуский центр и 3-я армия вели разведку Ляодунского полуострова. Ставка сохранила за собой функции сбора и обобщения информации военных атташе из Западной Европы и докладов Маньчжурской армии, выпуска на её основе декадные разведывательные сводки «Последняя информация о русских войсках», которые отражали дислокацию и численность царской армии в Маньчжурии⁵⁰.

Необходимо отметить, что деятельность контрразведывательных органов русской армии по сравнению с предвоенным периодом не претерпела качественных изменений. Наряду с организационной разобщённостью, выражавшейся в том, что борьбой с японским шпионажем

⁴⁸ Там же. С. 31.

⁴⁹ Архив НИИО МНО Японии. Сэнъэки-Нитиро сэнъэки-143 (С13110468900). Лл. 0877, 0881; Там же. М37-13-147 (С06040669000); Там же. М38-12-125 (С06040985900); Там же. М37-2-10 (С0912202200).

⁵⁰ *Inaba Chiharu, Kowner Rotem. The secret factor: Japanese network of intelligence gathering on Russia during the War // Rethinking the Russo-Japanese War, 1904-05. Volume I: Centennial perspectives. Global Oriental, 2007. P. 82.*

занимались жандармско-полицейское управление КВЖД, жандармская команда при Маньчжурской армии, разведывательное отделение штаба этой же армии, разведотделение штаба тыла войск Дальнего Востока, начальник транспортов действующей армии, разведка штаба Заамурского округа пограничной стражи, а также агенты русского предпринимателя китайского происхождения Цзи Фэнтай (Тифонтай), специальные органы испытывали острую нехватку военных следователей, жандармских офицеров, тайных полицейских агентов, переводчиков с китайского, корейского и японского языков. Кроме того, у русской контрразведки отсутствовали надёжные агентурные позиции среди местного населения, что не позволило ей разоблачать заброшенную японскую агентуру на этапе легализации. Положительные изменения в работе отечественных спецорганов на Маньчжурском ТВД произошли только в начале 1905 г., когда судьба войны фактически была решена⁵¹.

Реализуя задачи обеспечения войск своевременными и достоверными сведениями о противнике, японские разведывательные органы всех уровней активно и массово вербовали китайскую агентуру на основе материальной заинтересованности привлекаемых лиц. Китайцы действовали в русском тылу в одиночку либо в составе небольших групп из 3–4 человек. Их возглавляли наиболее образованные, владевшие русским языком резиденты, которые получал от японской разведки средства для открытия торговой лавки или хлебопекарни. Подчинённые им агенты действовали в определённом районе под видом бродячих торговцев, сезонных рабочих, погонщиков при обозах и т. п., запоминая или зарисовывая условные знаки на погонах военнослужащих, расположение воинских частей, тип и количество вооружения⁵².

С другой стороны, понимая изъятны массовой заброски во вражеский тыл малообразованной, работающей только за деньги агентуры, пекинский и чифуский разведывательные центры искали потенциальных кандидатов среди лояльных Японии китайцев. Майор Морита Тосито позднее так характеризовал одного из завербованных им на идеологической основе китайцев: «Данное лицо завербовано мною в феврале 1904 г. в г. Чифу. Будучи человеком интеллектуально развитым, он обучался в японской школе г. Окаяма и практически ничем не отличался от японца знанием языка, образом мыслей и поведением. С момента вербовки он перешёл на нелегальное положение в Порт-Артуре, имея задание вести разведку русских войск. Умело решая эту задачу, данное лицо обычно передавало ценную информацию. В частности, получив от меня приказ о разведке района Инкоу – Пуланьдянь, он отправился на территорию

⁵¹ Подробнее см.: *Жабицкий А. К.* Деятельность разведывательных органов России в Северо-Восточном Китае (конец XIX – начало XX в.): Дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск: Хабаровский пограничный институт ФСБ РФ, 2012. С. 125–133.

⁵² ГАРФ. Ф. Р5325. Оп. 4. Д. 135. Лл. 106 – 2.

противника под видом [пропущено. — А.З.]. Перед угрозой разоблачения этот человек строго придерживался правил конспирации и ревностно решал поставленные задачи, чем способствовал моей работе резидента. Затем он занимался перехватом нелегальной морской контрабанды в Порт-Артур и добывал важные русские документы»⁵³.

В целом Морита проявил себя зрелым и подготовленным разведчиком-агентурником, который не только наладил в условиях насыщенности прифронтовой полосы контрразведывательными органами получение необходимой командованию информации, но и умело сбивал спецслужбы противника со следа, периодически подбрасывая им ложные сведения о работе чифуского центра. Это заставляло русскую контрразведку концентрироваться на второстепенных объектах, облегчая японским разведчикам проникновение в тылы Маньчжурской армии. Так, 17 сентября 1904 г. разведывательное отделение этой армии уведомило нижестоящие органы о якобы запланированной переброске из Чифу небольшими группами в Мукден и другие районы более 100 японских агентов, которые свободно владели русским и китайским языками и должны были под видом китайцев открыть публичные дома⁵⁴.

И всё же главным вербовочным контингентом японской разведки являлись хунхузы. В мае 1904 г. майор Хасигути Юма с помощью резидента в Цзиньчжоу капитана Кавасаки Рёдзабуро наладил контакт с лидерами крупнейших хунхузских банд в Южной Маньчжурии и организовал на их базе т. н. Восточноазиатскую армию воинов за правое дело. В начале июня армия, насчитывавшая 600 человек, выдвинулась к Ляояну, где успешно вела агентурную разведку в русском тылу, поддерживая связь с японским командованием через курьеров-китайцев. Позднее группа Хасигути вслед за русскими войсками отступила через Мукден в тыловые районы Чанту, продолжая собирать информацию и совершать диверсионные вылазки. Её успешная работа завершилась только после подписания перемирия в 1905 г.⁵⁵

До сих не получила должной оценки работа разведывательных органов ГШ в Европе, действовавших во время войны под руководством военных атташе в Австро-Венгрии, Великобритании, Германии и Швеции. Внимание абсолютного большинства исследователей сегодня приковано к тайным переговорам полковника Акаси Мотодзиро с представителями российской оппозиции, притом что серьёзного влияния на политическую жизнь Российской империи и ход боевых действий в Маньчжурии они не оказали⁵⁶. Куда более значимой для Японии была разведывательная

⁵³ Архив НИИО МНО Японии. М43-11-19 (С04014692300). Лл. 0436–0437.

⁵⁴ ГАРФ. Ф. 1182. Оп. 1. Д. 23. Л. 253.

⁵⁵ *Тани Хисао*. Указ. соч. С. 291.

⁵⁶ Подробности контактов Акаси с российской оппозицией отражены в соответствующем агентурном деле Особого отдела Департамента полиции МВД. См.: ГАРФ. Ф. 102. Оп. 316. Д. 28 (1904 год – 2 отд.).

деятельность Акаси, пролившая свет на железнодорожные перевозки царских войск из европейской части России на Дальний Восток.

Покинув Петербург 10 февраля 1904 г., Акаси временно обосновался в Стокгольме, продолжая руководить работой созданного им агентурного аппарата под крышей японской дипломатической миссии. Несмотря на арест Ивкова, с марта по июль 1904 г. Акаси систематически получал информацию о русских железнодорожных перевозках от находившихся в Самаре, Челябинске и Иркутске агентов через групповода венгерского инженера Миклоша Балога-де-Галанта. К концу Русско-японской войны в агентурную сеть Акаси входили 6 информаторов в России, 1 – во Франции, 5 связников в Швеции и Франции. Общие расходы резидентуры на поддержание связи с агентами, вознаграждение за информацию, отправку секретной корреспонденции в Токио и прочее составили беспрецедентную для того времени сумму в 240 000 иен золотом⁵⁷.

Акаси также принадлежит заслуга в налаживании тайного сотрудничества Генеральных штабов Японии и Швеции в совместном ведении разведки против России. Несмотря на формальный нейтралитет Стокгольма в Русско-японской войне, в феврале 1904 г. полковник Акаси установил контакт с офицером 2-го бюро ГШ капитаном Иваном Аминоффым и через него познакомился с руководством шведской разведки. Поскольку шведское правительство не испытывало дружеских чувств к Петербургу, аннексировавшему в XIX в. Финляндию, начальник 2-го бюро полковник Оксенстерн и его преемник подполковник Хасеррот санкционировали негласный обмен информацией о России с японцами, назначив офицерами связи с Акаси лейтенанта Класа Клингенстерна и капитана Аминоффа. Последние двое были перевербованы японским атташе и, в свою очередь, привлекли к сотрудничеству с ним младшего лейтенанта Карла Бергера, который, не ставя в известность своего военного министра, тайно выехал в Россию и собрал информацию о перебросках русских войск на Дальний Восток по Транссибирской железной дороге. За плодотворную работу в области японо-шведского разведывательного сотрудничества полковник Оксенстерн и младший лейтенант Бергер в 1909 г. были награждены орденами Восходящего солнца, а подполковник Хасеррот, капитан Аминофф и лейтенант Клингенстерн – орденами Священного сокровища⁵⁸.

Важным элементом японской разведывательной организации в Европе являлся аппарат военного атташе в Берлине во главе с полковником Оои Сигэмото, который с началом войны принял на себя часть функций

⁵⁷ *Инаба Тихару*. Японский резидент против Российской империи. Полковник Акаси Мотодзиро и его миссия 1904–1905 гг. М.: Российская политическая энциклопедия, 2013. С. 33, 39–43.

⁵⁸ Национальный архив Японии. 00248100 (A10112678100); Akashi, Motojiro. Rakka ryu-sui. Colonel Akashi's Report on His Secret Cooperation with the Russian Revolutionary Parties during the Russo-Japanese War. Selected Chapters translated by Inaba Ch. and edited by O. Falt and A. Kujala. Helsinki: Finnish Historical Society, Studia Historica 31. P. 37.

по поддержанию связи с агентурой Акаси: с февраля по май 1904 г. на имя Оои поступала корреспонденция от находившейся на одной из крупных станций Транссиба женщины-агента Хедвиг Эксштейн («Ханна»)⁵⁹.

Используя свои контакты с начальником германского ГШ Альфредом фон Шлиффеном, Оои также установил партнёрские отношения с главой русского отделения немецкой разведки капитаном Леоном Линденау, периодически обмениваясь с ним мнениями о тактике действий японской и русской армий⁶⁰.

Кроме того, Оои регулярно готовил для Токио разведывательные обзоры о русской армии, составленные на основе газетных публикаций, статей из журнала «Инвалид» и сведений, полученных от немецких журналистов. В этой работе ему помогали стажировавшиеся в немецкой армии подполковники Тамура Окиносукэ и Кодзима Содзиро. Последний, как отмечал позднее начальник ГШ, систематически анализировал германскую и выходившую в Санкт-Петербурге немецкоязычную прессу, черпая оттуда данные о русских вооружённых силах, а также выезжал в Гамбург для уточнения характера секретных немецких поставок кораблям 2-й Тихоокеанской эскадры⁶¹.

Деятельность японской военной разведки со второй половины 1904 г. была направлена на получение исчерпывающей информации о противнике в интересах скорейшего завершения невыгодно затянувшейся для Японии войны. Если на северном – ляонин-мукденском направлении японская разведка в целом успешно решала эту задачу с помощью япономаньчжурских спецгрупп, многочисленных китайских агентов и военных атташе в Западной Европе, то на южном – порт-артурском участке она испытывала серьёзные трудности с получением достоверных сведений о крепости.

После начала сухопутной осады Порт-Артура летом 1904 г. разведкой крепости занимались чифуский разведывательный центр и 3-я армия, к которым впоследствии присоединилась резидентура в Цзиньчжоу. Для получения информации в крепость забрасывалась китайская агентура – либо проникая сухопутным путём через русские передовые позиции, либо высаживаясь с джонок на побережье Корейского залива. Другими источниками разведывательных сведений выступали эвакуировавшиеся из крепости китайские жители и взятые в плен русские военнопленные.

К началу первого штурма армейская разведка собрала значительный объём информации о Порт-Артуре. На её основе 15 июля 1904 г. штаб 3-й армии подготовил и разослал в нижестоящие части подробную справку с боевым расписанием гарнизона крепости, оценкой количества,

⁵⁹ Ibid. P. 31.

⁶⁰ Тани Хисао. Указ. соч. С. 276.

⁶¹ Inaba Chiharu, Kowner Rotem. Op. cit. P. 85; Тани Хисао. Указ. соч. С. 275; Архив НИИО МНО Японии. М38-23-136 (C06041115400). Л. 0437.

типа и дислокации её артиллерии, состояния артиллерийских фортов сухопутного фронта, складов вооружения и продовольствия. Однако полученные сведения были явно занижены: правильно установив наличие в Порт-Артуре 2-х Восточно-Сибирских стрелковых дивизий, Восточно-Сибирского стрелкового полка, 7-ми артиллерийских батарей и казачьей сотни, японская разведка грубо ошиблась в оценке огневой мощи крепости, которая составляла 646 артиллерийских орудий вместо заявленных 250. Кроме того, общая численность гарнизона была оценена в 13 000 человек, тогда как на самом деле она превышала 41 000⁶².

17 августа штаб 3-й армии составил на основе опроса прибывшего из крепости китайского населения подробную карту фортификационных сооружений Порт-Артура с описанием минно-взрывных заграждений, системы коммуникаций и дислокации артиллерии⁶³. Её ценность определялась тем обстоятельством, что, несмотря на все усилия разведывательных органов армии получить в предвоенный период достоверные сведения о крепостных укреплениях не удалось в силу достаточно жёсткого контрразведывательного режима в Порт-Артуре⁶⁴.

Тем не менее предпринятые частями генерала армии Ноги два штурма крепости (август–сентябрь 1904 г.) из-за несогласованности в действиях войск, недостатка тяжёлой артиллерии и боеприпасов привели к большим потерям среди атакующих. Разведывательные органы армии продолжили изучение ситуации в Порт-Артуре, накапливая информацию к третьему штурму. Однако поступавшие сведения всё также вводили в заблуждение штаб Ноги относительно истинного состояния крепостной обороны: в подготовленном 3-й армией расписании артиллерийского вооружения Порт-Артура на 17 октября 1904 г., то есть за неделю до третьего штурма, значилось порядка 270 орудий, в то время как парк артиллерии в действительности насчитывал 646 единиц⁶⁵.

В целом, как свидетельствует анализ архивных материалов, японские разведорганы со второй половины 1904 г. имели достаточно точные данные о боевом и численном составе противника. Расхождение с реальной картиной по числу пехотных батальонов и артиллерийских орудий составляло 1–2 %, в то время как общая численность царской армии на Южно-Маньчжурском ТВД (кроме Квантунского полуострова), как правило, занижалась на 10–12 %, а кавалерийских эскадронов и со-

⁶² Там же. Сэнъэки-Нитиро сэнъэки-289 (С13110559000). Лл. 0913–0919, 0928; Русско-японская война 1904–1905 гг. Том VIII. Часть 2. От начала тесного обложения до конца осады (17 июля – 20 декабря 1904 года). Санкт-Петербург: Типография И. Шурухт, Крюков канал, 25, 1910. С. 10; Приложение № 1. С. 2–4.

⁶³ Архив НИИО МНО Японии. М37-494 (С09050771200). Лл. 0524–0528.

⁶⁴ Тани Хисао. Указ. соч. С. 196, 200.

⁶⁵ Архив НИИО МНО Японии. М37-494 (С09050771500). Лл. 0670, 0685–0686; (С09050771600). Лл. 0715–0717; (С09050771700). Лл. 0823–0827; Русско-японская война 1904–1905 гг. Том VIII. Часть 2. Приложение № 65. С. 98–100.

тен, наоборот, завывалась на 20–25 %. Однако эти погрешности являлись допустимыми и не могли серьёзно повлиять на оперативное планирование Маньчжурской армии и ИВС.

Обратной стороной успешной работы разведывательных органов армии стало осознание Ставкой после мукденского сражения пагубности дальнейшего продолжения войны. Данные разведки свидетельствовали о непрерывном подвозе русских резервов из европейской части России по модернизированной Транссибирской железной дороге, пропускная способность которой возросла с 8 до 14 воинских эшелонов в день, и быстром восстановлении боеспособности царских войск. По подсчётам командования Маньчжурской армии, для окончательного разгрома противника ей требовались ещё 6 пехотных дивизий и 1 000 000 000 иен, в то время как Япония только в мукденском сражении потеряла 72 008 человек убитыми, ранеными и пленными, а её затраты на войну составляли уже 1 730 050 000 иен⁶⁶.

Поэтому в середине марта 1905 г. активные боевые действия на сухопутном фронте практически прекратились. Заручившись согласием императора, начальник ГШ маршал Ямагата Аритомо 23 марта обратился к премьер-министру, министру иностранных дел и министру финансов с предложением срочно начать переговоры о мире с Россией, которые инициировали выработку условий мирного соглашения⁶⁷.

Спустя три месяца командование Маньчжурской армии приступило к поэтапному сокращению личного состава разведывательных органов, отправляя офицеров разведки в строевые части или назначая их военными комендантами на оккупированной территории. К середине октября в армейской агентурной сети осталось 37 китайских агентов и связников, оперировавших в Харбине, Чанчуне, Чжэнцзятуне, Хайлуне и Фэнхуа⁶⁸. Окончательно разведывательная служба Маньчжурской армии прекратила существование в декабре 1905 г., став основой для органов оперативной разведки Квантунского генерал-губернаторства в Маньчжурии, Забайкалье и на Дальнем Востоке.

Таким образом, организованная в 1871 г. и прошедшая сквозь полосу многочисленных реформирований в 1874–1899 гг. японская военная разведка приобрела первый практический опыт агентурной работы против крупной державы уже в 1894–1895 гг. Это позволило ей заблаговременно развернуть на российском Дальнем Востоке, в Маньчжурии и Корее сеть легальных резидентур под прикрытием дипломатических миссий. В своей деятельности они опирались, в первую очередь, на

⁶⁶ *Окамото Сюдзэй*. Японская олигархия в русско-японской войне. Пер. с англ. М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. С. 149–150, 176.

⁶⁷ Там же. С. 151–161.

⁶⁸ *Тани Хисао*. Указ. соч. С. 294–295.

Таблица 2. Оценка штабным управлением Ставки русских войск в Маньчжурии без гарнизона Порт-Артура с сентября 1904 г. по июнь 1905 г. (в скобках – реальное положение)¹

Дата	Пехотные батальоны	Кавалерийские эскадроны и сотни	Пехота	Кавалерия	Орудия полевой артиллерии
30.09.1904	239 (225)	173 (139)	148 200 (194 336)	25 950 (17 136)	796 (784)
20.12.1904	320 (323)	207 (178)	234 400 (218 672)	30 300 (20 563)	1 166 (1 058)
10.01.1905	340 (346)	190 (167)	255 080 (296 499)	28 500 (21 744)	1 272 (1 080)
10.02.1905	365 (379)	178 (150)	266 450 (276 666)	26 700 (15 727)	1 252 (1 211)
20.03.1905	380 (355)	177 (122)	152 000 (217 745)	26 550 (12 861)	864 (1 129)
10.04.1905	416 (383)	177 (131)	184 400 (240 464)	26 550 (14 485)	984 (1 067)
20.04.1905	432 (409)	177 (127)	198 800 (259 494)	26 550 (15 136)	1 032 (994)
10.05.1905	438 (421)	201 (160)	204 200 (270 499)	30 150 (18 308)	1 044 (1 037)
30.05.1905	438 (465)	201 (169)	227 160 (259 984)	30 150 (18 673)	1 060 (1 053)
20.06.1905	450 (487)	201 (180)	271 720 (324 468)	30 150 (20 591)	1 156 (1 220)

¹ Архив НИИО МНО Японии. М37-424 (С09050706300), (С09050706600), (С09050706700), (С09050706800), (С09050706900), (С09050707000), (С09050707100), (С09050707200); Русско-японская война 1904–1905 гг. Том IV, Часть 1. Сражение на р. Шахэ. Санкт-Петербург: Типография А.С. Суворина, Эргелев пер. Д: 13, 1910. С. 478; Часть 2. С. 442–449, 452–469; Том V. Часть 1. С. 2; Приложение № 1. С. 62–63; Том VI. С. 492–495.

японских мигрантов, которые в условиях дефицита трудовых ресурсов на Дальнем Востоке работали на российских военных объектах и передавали интересовавшую ГШ информацию.

Российские специальные органы на рубеже XIX–XX века только проходили этап становления и не могли эффективно противодействовать японской разведке. Поэтому, имея относительно малые штаты, разведывательные органы ГШ Японии собрали к началу Русско-японской войны исчерпывающую информацию о военном потенциале, транспортной инфраструктуре и оперативных планах России.

Уже в ходе конфликта японская разведка опередила противника в организации агентурного аппарата из маньчжур и китайцев, тем самым уменьшив потери от депортации японского населения из прифронтовой полосы и глубинных районов российского Дальнего Востока. В то же время, несмотря на поступление по каналам разведки достоверных сведений о русских войсках на Маньчжурском ТВД, разведывательные органы императорской армии не сумели сорвать переброску резервов на фронт из европейской части России.

Боевая деятельность японской разведки в период войны обошлась государственному бюджету в 3 224 435 иен, потраченных ГШ по статье «Секретные расходы». Эта цифра почти в 4 раза превышала аналогичные расходы МГШ (824 297 иен) и почти в 7 раз – суммарные расходы разведывательных органов армии и флота в период японо-китайской войны (476 162 иен), что свидетельствовало о качественно новом отношении японского правительства к вопросам заграничной агентурной разведки⁶⁹.

⁶⁹ *Игараси Кэнъитиро*. Тэйкоку рикукайгун-но дзёхо то дзёсэй хандан хоссэй дзихэн кара нитиро сэнсё-э : [Разведка императорской армии и флота и оценка ей ситуации: от «боксёрского восстания» до русско-японской войны] // Бозэй кэнкюдзё киё. Бозэй кэнкюдзё сорицу 50 нэн кинэн токубэцуго. Март 2003. С. 176–177.